

Введение: второе пришествие капитализма в Россию

С начала горбачевской перестройки прошла четверть века. Настало время подведения итогов, хотя бы сугубо предварительных. Здесь сразу возникает вопрос: итогов чего? Горбачевская реформация была насильственно оборвана почти два десятилетия назад, в конце 1991 года. Ее итоги подвел сам Михаил Сергеевич в своем последнем обращении к стране 25 декабря 1991 года. К сказанному им тогда трудно что-то добавить.

Инициаторы этого проекта исходили из того, что перестройка не только яркий и трагический финал советского периода отечественной истории. Она еще и начало новейшего этапа в жизни нашей страны. Этапа глубоких, фундаментальных преобразований, призванных заложить основы развития России как свободной, демократической, процветающей страны.

Само собой разумеется, что такая смена парадигмы развития, не имеющая аналогов в тысячелетней российской истории, требует не лет, а десятилетий творческого, напряженного труда двух-трех поколений. В качестве условного горизонта мы взяли период в сорок — пятьдесят лет, полагая, что находимся где-то в середине процесса трансформаций. Самое время оглядеться вокруг и попытаться понять, где мы оказались и почему, какие коррективы можно и нужно внести в прочерченную траекторию движения.

В этой работе мы попытаемся оценить весь путь, пройденный страной под руководством М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Путина, Д. Медведева. Это разные фигуры и разные политические курсы, но в итоге они привели к тому, что мы имеем сегодня. За короткий по историческим мер-

кам срок Россия проделала грандиозное сальто-мортале, перейдя от одной общественной системы к другой, внешне прямо противоположной. Она сменила все, что только можно: отношения собственности, экономический уклад, политическую систему, идейную оснастку, внешнеполитическую ориентацию. Она болезненно ужалась в размерах и потенциале, потеряв с таким трудом добытый статус сверхдержавы. И все же она сохранила свою идентичность, несомненную преемственность по отношению к своим историческим предшественницам, советской и царской России. Со всеми плюсами и минусами, которые дает подобное наследие.

Если попытаться в одной фразе синтезировать ту феноменальную трансформацию, которую пережила наша страна за последние десятилетия, то можно сказать, что она перешла от социализма к капитализму. Конечно, само по себе такое утверждение не сильно продвигает нас вперед, к пониманию и адекватной оценке происшедшего. Социализм бывает разный, достаточно сравнить Венгрию времен Яноша Кадара и полпотовскую Камбоджу. У капитализма разброс возможностей никак не меньше, возьмите любую скандинавскую страну и, скажем, Парагвай.

Тем не менее эта нехитрая констатация передает самую суть происшедших перемен. Разумеется, за ней скрываются исторические развилки, острая борьба и моменты выбора, большое разнообразие реализованных и нереализованных возможностей и проектов. В этом бурлящем котле определялся коридор возможностей российского общества на историческую перспективу.

Проиллюстрируем нашу мысль примером из недавнего прошлого. Придя к власти, М. Горбачев вовсе не собирался строить капитализм в Советском Союзе. Он хотел преобразовать государственный социализм в демократический, взявший на вооружение различные формы собственности и рыночные механизмы, придать социализму человеческое лицо, но движение в этом направлении было прервано сначала августовским путчем, а затем — беловежским сгово-

ром. Здесь мы оставляем в стороне вопрос о том, насколько вообще реалистична цель построения «общества демократического социализма», поскольку в мировой практике (пока?) не было подтверждения этой гипотезы.

Начиная с 1988 года М. Горбачев **объективно** движется в сторону капитализма, поскольку его демократические новации разрушают советский строй изнутри. Если бы он не был насильственно отстранен от власти в результате государственного переворота, то раньше или позже СССР распрощался бы с государственным социализмом навсегда. На смену ему пришел бы капитализм, но не **олигархический** ельцинской закваски, а **демократический** западноевропейского образца. Конечно, и в этом случае до Западной Европы нам бы было далеко, как говорится, шагать и шагать, но хотя бы вектор движения был бы задан в верном направлении.

Дело в том, что в начале прошлого века Россия вышла из одной капиталистической системы, а возвращается в другую, мало похожую на свою историческую предшественницу. XX век был жестоким экзаменатором для всех форм мироустройства, включая и капиталистические порядки. Отчаянно борясь за выживание, мировой капитализм смело заимствовал все ценное у своего исторического антагониста, государственного социализма. Заимствовал столь многое, что некоторые исследователи считают утратившим смысл определение наиболее развитых стран мира как капиталистических. Об этом можно и нужно спорить; важно только не упускать из виду, что в отношении многих других государств нашей планеты, к числу которых относится и постсоветская Россия, понятие «капитализм» вполне подходит и работает.

Так же как первые месяцы и годы в жизни человека, период становления нового строя имеет особое значение для общества, надолго определяет его творческий потенциал и объективные возможности. Так было всегда и везде, а в современном мире это верно вдвойне. Возвращаясь на капиталистический путь развития, Россия попадает не в разреженную среду, а в плотную, жестко выстроенную глобаль-

ную систему взаимоотношений и взаимодействий, где ей уготована отнюдь не выигрышная роль. Отныне она должна доказать свое право и способность на что-то большее, чем прозябание на периферии этой системы. Специфика формирования и развития буржуазных отношений в нашей стране, их неповторимый генетический код, унаследованный и приобретенный рисунок отношений с внешним миром, способность учиться играть и выигрывать по установленным не нами правилам — многие факторы могут серьезно облегчить или усложнить решение этой задачи.

Для новых рекрутов мировой капиталистической системы исключительно важно, насколько легко и органично они вписываются в общий контекст буржуазной цивилизации. С этой точки зрения судьба российского капитализма сложилась очень и очень нетривиально. Наверное, каждый капитализм нетривиален, поскольку глубоко укоренен в национальной истории, культуре, традициях, менталитете. Но к российскому капитализму это общее положение применимо в квадрате, даже в кубе. Как и многое другое российского происхождения, он буквально выламывается из общего ряда.

Можно выделить целый ряд своеобразных характеристик российского капитализма, создающих его уникальный образ. Во-первых, это **поздний** капитализм. Поздний не только в его втором издании, относящемся к концу XX века, но и в первоначальной версии XIX века. Как известно, в Западной Европе капиталистические отношения зародились несколькими столетиями ранее, они шлифовались и оттачивались из поколения в поколение. У сильно припозднившегося российского родственника (пока) просто не было достаточного исторического времени для того, чтобы основательно продвинуться по пути буржуазного развития, накопить необходимый опыт социальных взаимодействий в новой среде, имеющей мало общего с привычными отечественными реалиями.

Во-вторых, это **периферийный** капитализм. Периферийный по отношению к жизненно важным центрам системы в целом. Он был периферийным в своей прошлой жизни на

рубеже XIX–XX веков, что неудивительно, поскольку в то время ареал капиталистического развития был относительно невелик и в основном ограничивался атлантическим регионом. Он остался периферийным и на рубеже XX–XXI веков, что не столь естественно, потому что в современном мире существует не один, а целых три центра социально-экономического развития, и все они находятся в сопредельных с Россией регионах: Северной Америке, Западной Европе, Восточной Азии.

Соответственно российская периферийность отличается, например, от латиноамериканской. Она носит не столько географический, сколько историко-культурный, политический и социально-экономический характер. Культурный слой, подоснова буржуазной цивилизации в России значительно тоньше и беднее, чем в странах первого и второго эшелона капиталистического развития, и он дает странные, порой несъедобные плоды.

Неопытный и неотесанный, пользующийся сомнительной репутацией молодой российский капитал с немалым трудом осваивается на мировых просторах. По своим объективным и субъективным параметрам современной России трудно вписаться в один из центров мирового развития. Попытки же создать свой собственный центр на базе постсоветского пространства пока не увенчались успехом. В то же время в отличие от Китая или Индии Россия не располагает достаточным человеческим потенциалом для того, чтобы развиваться более или менее автономно.

В-третьих, это **зависимый** капитализм. Прежде всего речь идет об экономической зависимости, но ею дело не ограничивается. Десуверенизация в хозяйственных делах неизбежно проецируется на все сферы общественного бытия. Для страны, привыкшей жить своим умом, такое состояние необычно и дискомфортно.

Узость горизонтов и возможностей отечественного капитала обусловлена многими факторами и обстоятельствами. Поздний генезис российского капитализма, вынужденное

прозябание на обочине мирового развития существенно ограничивают его самостоятельность как в прошлой, так и в нынешней жизни. Положение усугубили стратегические просчеты крестных отцов постсоветской России. Явное пренебрежение строительством современных государственных институтов, неумение и нежелание выработать продуманную стратегию модернизации страны, слепая вера во всемогущество рынка, не знающая ни меры, ни приличий поглощенность собственными делами и делишками не позволяли разорвать цепи зависимости, выйти на самостоятельную орбиту.

Конечно, в этом отношении первое десятилетие нынешнего века существенно отличается от последнего десятилетия века предыдущего, когда Россия фактически превратилась в страну с ограниченным суверенитетом, в том числе в сфере хозяйственной деятельности. После 2000 года Россия вновь обретает политическую субъектность. Она довольно быстро освобождается от тисков финансовой зависимости от западного капитала. Ее внешняя политика нацелена прежде всего на защиту национальных интересов. Проблематика модернизации плотно входит в политический дискурс.

В то же время современный российский капитализм еще слишком слаб и неопытен для того, чтобы на равных участвовать в жесткой конкурентной борьбе за место под солнцем, разгорающейся в глобальном мире. Что бы мы ни взяли: народное хозяйство, социальную сферу, гражданское общество, партийно-политическую систему, государственные институты, ценности и культурные образцы — постсоветская Россия явно уступает и западным, и восточным партнерам-соперникам. Первый кризис глобального мира, с особой силой поразивший отечественную экономику, с беспощадной очевидностью выявил органические пороки российского варианта посткоммунистического устройства, его короткое дыхание.

В-четвертых, это **возвратный** капитализм. В этом отношении постсоветская Россия действительно уникальна, не имеет аналогов в современном мире. Не она одна баловалась со-

циалистическими экспериментами, но нигде они не проводились столь долго и последовательно. И нигде не было таких впечатляющих результатов. Все-таки статус второй сверхдержавы на дороге не валяется и просто так не обретаётся.

Не уйти от вопроса: советское наследие — серьёзное подспорье или тяжелое бремя? Разумеется, ответ зависит от политической позиции автора. Наверное, историки еще очень долго будут спорить на эту тему. Бесспорно, что советская Россия основательно продвинулась по пути модернизации общества. Также бесспорно, что за это она заплатила запредельную цену. И в итоге вновь оказалась в историческом тупике, за выход из которого пришлось расплачиваться самым ценным и дорогим: людьми, территориями, ресурсами.

Расхожая житейская мудрость гласит, что нормальные герои всегда идут в обход. Возможно, это относится не только к людям, но и к государствам. Но уж больно длинный и кружной путь выбрала наша страна в XX веке. И непомерно затратный. Чудовищная растрата человеческого капитала будет нам аукаться еще очень долго.

В-пятых, это **замаскированный** капитализм. При всей своей нахрапистости и беспардонности он стыдится самого себя, стыдится быть капитализмом. Понятно, почему последний генсек КПСС ни словом не обмолвился о том, что мы вступаем на путь капиталистического развития. Для него, социалиста по натуре и убеждениям, признаться в этом даже самому себе было бы мучительно больно. Да и цековские товарищи вряд ли бы поняли и одобрили новый лексикон своего партийного вожака.

Но вот что интересно: термин «капитализм» старались не употреблять и лидеры антикоммунистического движения, рядившиеся в тогу «демократов». Они так же, как реформаторы начала 1990-х годов, предпочитали говорить о «рынке». Видно, чувствовали, что даже в противопоставлении с обанкротившимся государственным социализмом «капитализм» для нашего уха звучит не слишком привлекательно. А его первые шаги по возвращению на россий-

скую землю могли вызвать оторопь даже у самых горячих поклонников новых порядков.

Капитализм вообще идейно малопривлекателен. Из погони за прибылью, индивидуального обогащения, власти денег трудно сконструировать общезначимые идеалы. Большинство интуитивно чувствует, что это не про них. Поэтому великие буржуазные революции прошлого, такие как американская или французская, начертали на своих знаменах совсем другие письмена, адресованные всем и каждому. Поэтому становление буржуазного строя в Западной Европе и Северной Америке шло под сильнейшим воздействием иных ценностных систем из богатейшего наследия европейской цивилизации. Поэтому наиболее успешные образцы капитализма заранее позаботились о могучей идейной оснастке, сублимирующей и цивилизующей частнособственнические инстинкты.

Молодой российский капитализм начисто лишен этого идейно-ценностного заряда. Он не пронизан пафосом демократического освобождения, как в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы. Он не сплавлен с национально-государственными идеями, как в других постсоветских государствах. Здесь нет привлекательной упаковки: ни «равенства возможностей», ни «социального государства», ни «общества всеобщего благоденствия». Нет и не может быть. Уж больно силен был бы контраст с действительностью.

Российский капитализм с упорством, достойным лучшего применения, ищет «национальную идею» и никак не может ее обрести. Он вышел голым на суд общества, и его нагота отнюдь не прекрасна. Ведь не скажешь же людям, что все их страдания и жертвы нужны были для того, чтобы обеспечить райскую жизнь на земле особо отличившимся обитателям Рублевки.

Правда, нельзя сказать, что российский капитализм в его нынешнем воплощении начисто лишен характерных черт. Его фирменными знаками стали правовой нигилизм и моральная вседозволенность. «Освобожденный» от правовых и моральных норм капитал создает питательную среду для коррупции и криминала.

Ко всему вышесказанному добавьте еще «холодную гражданскую войну», разгоревшуюся между противостоящими политическими лагерями на излете правления коммунистов, травму разрушения российской государственности, и напрашивается вывод, что капитализм возвратился в родные пенаты совсем не под счастливой звездой.

Резюмируя, можно сказать, что отечественный капитализм генетически ущербен и нуждается в основательной профилактике. Его врожденные пороки требуют внимания, ухода, квалифицированной помощи со стороны общества и государства.

И все-таки его приход закономерен и оправдан. Возможность продолжить линию развития, оборванную в 1917 году большевистским переворотом, наша страна буквально выстрадала. Как то ни больно признать, приходится констатировать, что XX век Россия проиграла. За прошедшее столетие по всем основным показателям в мировой таблице о рангах — территория, население, сравнительный уровень экономического, социального, политического развития, международный престиж — она не продвинулась вперед, а, скорее, откатилась назад. Наверное, то же самое можно сказать о других крупных европейских державах, таких как Великобритания, Франция, Германия, но от этого не легче. В любом случае их положение сегодня несравненно лучше нашего.

А что сулит нам начавшийся XXI век? Само по себе возвращение в лоно буржуазной цивилизации не дало и не могло дать чудодейственного эффекта. Постперестроечные иллюзии на этот счет развеялись как дым. Российский дамклов меч догоняющего развития никуда не делся. За два последних десятилетия мы не сократили, а увеличили дистанцию, отделяющую нас от наиболее развитых стран мира.

Пожалуй, нагляднее всего это проявилось в экономике. По объему производства на показатели 1990 года мы вышли только в 2007 году. Учитывая урон, нанесенный экономическим кризисом, мы сможем превысить этот уровень не ранее 2011–2012 годов. При этом структура народного хозяйства стала более примитивной и отсталой, чем в позднесоветскую эпоху.

Затянувшийся на два десятилетия тяжелый процесс трансформаций означает, что сегодня средний жизненный уровень наших соотечественников никак не выше, чем в конце советского периода. Скорее, ниже, если вспомнить о далеко зашедшей социальной дифференциации российского общества, вполне сопоставимой с худшими латиноамериканскими образцами. Феноменальное обогащение немногих оплачено пауперизацией больших слоев населения.

По основным показателям социального и культурного развития мы также явно откатились назад. Здравоохранение, образование, система социального обеспечения, общий уровень культуры не дотягивают до позднесоветских стандартов. За два последних десятилетия по такому агрегированному показателю, как средняя продолжительность жизни, нас обогнали десятки государств. Уровень смертности среди мужского населения страны стал национальным позором.

Хотя стремление к демократизации общественно-политической жизни было одной из основных движущих сил перестроечных процессов, мы не слишком преуспели в строительстве демократических институтов. Исполнительная власть явно доминирует над двумя другими, средства массовой информации, особенно электронные, ходят на коротком поводке, в высшей степени проблематична возможность прихода оппозиции к власти на основе народного волеизъявления.

Перековав мечи на орала и повернувшись лицом к внешнему миру, мы еще более одиноки, чем прежде. У нас мало врагов, но почти нет надежных друзей и союзников.

Список прегрешений возрожденного российского капитализма можно продолжать еще долго. И многие претензии в его адрес обоснованны и справедливы. Но вот что интересно: как показывают опросы общественного мнения, подавляющее большинство наших соотечественников вовсе не жадут вернуться в советское прошлое.

Это не объяснить воздействием официальной пропаганды, тем более что сегодня отношение властей к советскому периоду нашей истории гораздо более уважительное, чем

в ельцинские времена. Это не спишешь на aberrацию маскового сознания, поскольку наш народ при всей его доверчивости нельзя так долго водить за нос. Значит, в постсоветской действительности обозначилось и проявилось немало плюсов, так или иначе компенсирующих тяготы, потери и издержки переходного периода.

Прежде всего на нее работает широко распространенное в обществе ощущение того, что искать ответы на вечные российские проблемы в прошлом бессмысленно и надо идти вперед. Свой приговор коммунистическим порядкам граждане России вынесли еще в ходе перестройки, и с тех пор обжалованию он не подлежит.

Да и сами происшедшие перемены далеко не однозначны, наряду с большими утратами есть и серьезные приобретения. Наиболее важным завоеванием постсоветского периода, по-видимому, является свобода частной жизни, принципиальная возможность самому определять свою судьбу без посторонней указки сверху. В России она всегда была в большом дефиците, а в советское время ее вытравили начисто.

В современном российском социуме действует негласный, но твердый уговор: граждане и власть живут обособленно, ограничивая свое взаимодействие необходимым минимумом. Понятно, что на такой основе далеко не уедешь, но как промежуточная стадия на пути от тоталитаризма она имеет свои резоны.

К сожалению, продвинуться дальше, к нормально функционирующим демократическим институтам пока не удалось. Причин много: национальная катастрофа 1991 года, изменившая порядок приоритетов в общественном сознании; трансформационный шок смены общественной системы, поставивший многих на грань выживания; быстро выявившаяся несостоятельность отечественных «демократов»; потребительская лихорадка последнего десятилетия, отодвинувшая общественные дела на второй план; неготовность основных элитных группировок к реальной политической (впрочем, как и экономической) конкуренции.

Другим, не менее крупным активом постсоветской реальности стало долгожданное пришествие в Россию «общества потребления». Для измученной дефицитами российской публики появившееся как по мановению волшебной палочки рыночно-магазинное изобилие стало настоящим переворотом в повседневной жизни, оказавшим глубокое влияние на структуру мотиваций, системы ценностей, модели поведения. Переворотом неоднозначным, со своими большими издержками, но, по-видимому, глубоко закономерным.

Не ставя под сомнение реальные достижения молодого российского капитализма, надо трезво оценить его потенциал в исторической перспективе, в контексте тех задач, которые ставит перед нашей страной мировое развитие. Мы живем в глобальном мире, где развитие сотрудничества идет бок о бок с жесткой конкуренцией за призовые места. Побеждает тот, кто раскрывает широкие возможности для развития человеческой личности, утверждения ее деятельного, творческого начала.

С этой точки зрения общественное устройство посткоммунистической России требует не косметического, а капитального ремонта. И начать надо с преодоления раскола страны в ее основании, с устранения вопиющих диспропорций в распределении власти, собственности, доходов, жизненных возможностей. Не «отнять и поделить», а последовательно двигаться к более демократическому, справедливому, гуманному жизнеустройству. Иначе мы и XXI век проиграем. А выдержит ли Россия еще и это — большой вопрос.

Фундаментальные перемены, первоначальный импульс которым дала горбачевская перестройка, еще далеки от своего завершения. Общая картина состояния российского общества, в которой пытаются разобраться авторы этой книги, подвижна, сложна и противоречива. Многие оценки и выводы могут корректироваться в зависимости от дальнейшей траектории движения. Но даже если мы в середине пути, то всегда полезно оглянуться на пройденное, чтобы сделать выводы на будущее.

А.Д. Некипелов, М.Ю. Головин

Глава 1

Экономическая трансформация в России 1985–2008 годов

Состояние экономики СССР к середине 1980-х годов

Кризисные явления в экономической сфере стали в значительной мере отправной точкой преобразований, начавшихся в обществе и в социально-экономической сфере СССР во второй половине 1980-х годов. Уже к середине этого десятилетия (а отчасти и ранее) стали заметны негативные тенденции в советской экономике: замедление темпов роста основных количественных и особенно качественных экономических показателей, гипертрофированное развитие военно-промышленного комплекса (ВПК) и рост его нагрузки на экономику, дисбалансы в области производства потребительских товаров, низкие темпы внедрения результатов научно-технического прогресса в производство.

1. Снижение темпов экономического роста. Так, среднегодовые темпы прироста произведенного национального дохода в СССР (по данным официальной статистики) неуклонно снижались: с 5,7 % в 1971–1975 годах до 4,3 % в 1976–1980 годах и 3,2 % в 1981–1985 годах. Снижались темпы прироста и других показателей¹. Однако сами по себе

¹ Темпы прироста валовой продукции промышленности упали с 7,4 % в первой половине 1970-х годов до 4,4 % во второй половине десятилетия и 3,6 % в первой половине 1980-х годов. Также замедлялся рост капитальных вложений в народное хозяйство, розничного товарооборота

даже снизившиеся темпы роста отдельных макроэкономических показателей на первый взгляд не свидетельствовали о каком-либо серьезном кризисе в народном хозяйстве страны.

2. Одновременно ухудшались и качественные показатели экономического развития. Происходило замедление темпов прироста произведенного национального дохода на одного занятого в сфере материального производства².

Другим качественным показателем, демонстрировавшим неуклонное ухудшение, была фондоотдача. В 1981–1985 годы она снижалась с темпом 3,3 % в год³. Это лишь один из индикаторов, далеко не самых совершенных, снижения эффективности функционирования плановой экономики. Он отражал падение эффективности инвестиций, связанное с их распылением по отраслям хозяйства, удлинением сроков их окупаемости.

3. Одной из ключевых экономических проблем стали значительные «перекосы» в структуре экономики в сторону производства средств производства по сравнению с производством предметов потребления: доля первых в валовой продукции промышленности в 1980 году была равна 73,8 %, тогда как на предметы потребления приходилось соответ-

и других показателей. По отраслям промышленности наиболее низкими в первой половине 1980-х годов были темпы роста в топливной промышленности (особенно нефтедобывающей, где имел место спад производства с темпом 0,4 % в год), нефтеперерабатывающей и легкой промышленности. См.: Статистический ежегодник стран-членов Совета экономической взаимопомощи. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 14.

² На протяжении 1980-х годов этот показатель увеличивался на 2,7 % в год, тогда как в первой половине 1970-х годов он рос на 4,5 %, а во второй – на 3,3 % в год. См.: Статистический ежегодник стран – членов Совета экономической взаимопомощи. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 14.

³ Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 321.

ственно 26,2 %. К 1985 году ситуация даже несколько ухудшилась: это соотношение составило 74,8:25,2⁴. Как следствие, возникала проблема дефицита потребительских товаров. При отсутствии рынка как механизма выявления предпочтений потребителей (хотя в отдельных сферах рыночные или квазирыночные отношения существовали) преодоление сложившихся дисбалансов было затруднено. Между тем постепенно накапливались серьезные экономические диспропорции, связанные с наращиванием доходов населения без соответствующего обеспечения его потребительского спроса произведенной продукцией.

Еще одним важным структурным перекосом было гипертрофированное развитие ВПК, в который направлялись лучшие ресурсы. Ресурсные ограничения в нем были существенно слабее, чем в гражданском секторе, и его разрастание, в том числе вызванное гонкой вооружений, привело к значительной нагрузке на экономику. В то же время происходило снижение эффективности использования ресурсов в отраслях гражданского сектора⁵.

Одним из проявлений негативной ситуации со структурой экономики была структура внешней торговли СССР и особенно его экспорта, основу которого составляли сырье и продукция первичной переработки. В 1980 году в экспорте СССР 57,2 % приходилось на топливо, минеральное сырье и металлы и 15,8 % — на машины, оборудование и транспортные средства, а в 1985 году эти показатели были равны уже 61 и 13,9 % соответственно⁶. При этом нужно иметь в виду, что к концу первой половины 1980-х годов началось

⁴ Статистический ежегодник стран — членов Совета экономической взаимопомощи. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 164.

⁵ Яременко Ю.В. Экономические беседы / Центр исследований и статистики науки. М., 1998. С. 38—44.

⁶ Статистический ежегодник стран — членов Совета экономической взаимопомощи. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 573.

постепенное снижение мировых цен на энергоносители⁷. Как следствие, к середине 1980-х годов экспорт СССР стал сокращаться, тогда как импорт до 1985 года устойчиво нарастал⁸. Тем самым ухудшалось внешнеторговое сальдо.

4. Имела место слабая восприимчивость экономики к научно-техническому прогрессу. В связи с этим была поднята проблема соотношения экстенсивных и интенсивных факторов экономического роста. По данным А.И. Анчишкина, в приросте национального дохода СССР доля экстенсивных факторов составляла свыше 80 %, а в приросте валовой продукции сельского хозяйства – 100 %⁹. Капиталовложения шли в основном на поддержание существующих производственных мощностей, а не на развитие новых, модернизацию производства.

Объяснить накопившиеся экономические проблемы исключительно недостаточно продуманным планированием или чьей-либо «злой волей» невозможно. Очевидно, что в советской плановой экономике имели место системные недостатки. Они во многом были связаны с системой мотивации экономических агентов. С одной стороны, в сфере производства, как известно, конкретные предприятия были ориентированы не на потребителя, а на плановые органы. В то же время их отношения с последними складывались также исходя из разных интересов двух сторон: вышестоящий орган был заинтересован в минимальном выделении ресурсов и максимально высоком задании, тогда как про-

⁷ Так, в 1983 году среднегодовая цена нефти марки Brent составляла 29,83 долларов за баррель, а к 1985 году она опустилась до 27,33 долларов за баррель. См.: International Financial Statistics. 1996. Yearbook. Washington DC: IMF, 1996. P. 165.

⁸ Статистический ежегодник стран – членов Совета экономической взаимопомощи. 1985. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 327; Статистический ежегодник стран – членов Совета экономической взаимопомощи. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 567.

⁹ Анчишкин А.И. Выбор стратегии. Из неопубликованного наследия / Центр исследований и статистики науки. М., 2003. С. 13.

изводители — в максимальном получении ресурсов и минимальном плановом задании. При этом имела место ситуация своеобразной «асимметрии информации» (большей информацией обладали конкретные предприятия) при сосредоточении ресурсов у вышестоящих органов власти¹⁰, что порождало явления так называемого административного торга. К концу существования административно-командной экономики произошло существенное усиление влияния экономических «суперведомств» на принятие решений.

С другой стороны, потребители могли достаточно свободно распоряжаться полученными ими доходами, но сталкивались с ограничениями на стороне предложения (при этом цены на приобретаемую ими продукцию устанавливались централизованно). В результате формировались дефициты отдельных видов продукции, которые постепенно приобретали повсеместный характер. В условиях опережающего роста доходов населения потребительские дефициты приводили к формированию так называемых вынужденных сбережений, когда потребители, не имея возможности приобрести желаемые товары, увеличивали объем своих сбережений, надеясь на возможность повышения уровня потребления в будущем. Альтернативные издержки этих сбережений в условиях регулируемых цен и отсутствия альтернативных финансовых инструментов (основной формой сбережений были, как известно, вклады в Сбербанке) были невысоки.

Отдельно следует отметить теоретический кризис в экономической науке последнего этапа советского периода. Все большую очевидность приобретало несоответствие практики и основных теоретических положений политической экономии социализма. В частности, возникали вопросы: почему при наличии закона планомерности существуют значи-

¹⁰ *Некипелов А.Д.* Есть ли свет в конце туннеля? // Драма обновления / Под ред. М.И. Мелкумяна. М.: Прогресс, 1990. С. 601.

тельные диспропорции в экономике или в условиях действия закона распределения по труду имеет место «уровнировка» в доходах?¹¹ Тем не менее основные законы не подвергались какому-либо пересмотру, велись лишь отдельные схоластические методологические дискуссии. То есть сложилась ситуация, при которой экономика страны испытывала сложности, а существовавшая на тот момент теория не могла адекватно описать их характер и содействовать выходу из сложившейся ситуации.

Таким образом, ко второй половине 1980-х годов назрело осознание необходимости изменений в народном хозяйстве страны. Однако о коренных изменениях экономической системы на первом этапе речи не шло, как не происходило и существенного пересмотра теоретической базы анализа экономических процессов.

Основные этапы экономического развития страны

Рассмотрим дальнейшее экономическое развитие России, выделяя ключевые его этапы.

Первый этап – период перестройки (1985–1991 годы). Накопившиеся экономические проблемы привели к тому, что в ходе перестройки был провозглашен переход с экстенсивного типа экономического развития на интенсивный. При этом существовало два варианта его реализации: путем повышения эффективности имеющихся у общества ресурсов и повышения самостоятельности хозяйствующих субъектов¹². Первый вариант в большей степени делал акцент на том, что в рамках существующей системы возможно повышение ее эффективности, если удастся преодолеть

¹¹ *Некипелов А.Д.* Есть ли свет в конце туннеля? // Драма обновления / Под ред. М.И.Мелкумяна. М.: Прогресс, 1990. С. 595.

¹² *Некипелов А.Д.* Очерки экономики посткоммунизма / ЦИСН Миннауки России. М., 1996. С. 271.

некоторые ее недостатки. Второй в большей степени сосредотачивался на несовершенстве самой системы. На начальном этапе перестройки основной акцент был сделан именно на первом направлении. Долгое время не признавалась необходимость коренного изменения существующей хозяйственной системы.

Качественно новым этапом в повышении самостоятельности хозяйствующих субъектов стало принятие Закона о государственном предприятии в 1987 году. Предприятия переводились на условия полного хозрасчета, полученные ими доходы не направлялись целиком в бюджет, а распределялись между ним и самим предприятием; кроме того, снимался жесткий водораздел, который существовал до этого между безналичным и наличным денежным обращением. Таким образом, помимо попытки создания стимулов для работы хозяйствующих субъектов в новых условиях этот закон также способствовал постепенному приближению бюджетно-налоговой и денежно-кредитной сфер к состоянию, свойственному рыночной экономике¹³. Однако последующая практика показала, что в обеих названных сферах снятие жестких ограничений привело к серьезным негативным последствиям (рост дефицита бюджета и денежной массы). В значительной степени этому способствовал высокий уровень монополизма в советской экономике, который отличался от классической монополии в рыночной системе и скорее мог быть охарактеризован как высокий уровень централизации и концентрации производства при плановой экономике, но стал проявлять классические черты монополии по мере распространения рыночных отношений.

¹³ В условиях, когда прибыль предприятий целиком направлялась в бюджет, а безналичное денежное обращение балансировалось по определению и безналичные деньги фактически не выполняли функций денег, невозможно в полной мере говорить о проведении бюджетно-налоговой или денежно-кредитной политики, они становились производными от общей системы народнохозяйственного планирования.

Принятый в мае 1988 года Закон о кооперации в СССР был нацелен на преодоление «узких мест», возникших при реализации Закона о государственном предприятии (сохранении на практике достаточно высокого уровня централизации), и был призван возродить кооперативную форму собственности. Гражданам предоставлялась возможность заниматься производственной деятельностью на условиях хозрасчета и реализовывать результаты этой деятельности по свободным рыночным ценам.

Несмотря на проводившиеся меры, направленные на повышение эффективности экономической системы СССР, ее состояние продолжало ухудшаться. Среднегодовой темп прироста произведенного национального дохода в 1986–1989 годы составил 2,7 %¹⁴, а в 1990 году произведенный национальный доход упал на 3,1 %; среднегодовой темп прироста продукции промышленности снизился с 3,6 % в 1981–1985 годах до 2,5 % в 1986–1990 годах. Продолжали ухудшаться качественные экономические показатели: среднегодовые темпы прироста производительности общественного труда за рассматриваемые периоды снизились с 2,7 до 1,5 %, а фондоотдача в промышленности — с 3,1 до 2,3 %¹⁵.

Внешним фактором, осложнившим экономическое развитие страны на начальном этапе перестройки, стало резкое падение мировых цен на нефть во второй половине 1980-х годов¹⁶. В результате оборот внешней торговли (в сопоставимых ценах), увеличивавшийся в 1981–1985 годы на

¹⁴ Статистический ежегодник стран — членов Совета экономической взаимопомощи. 1990. М.: Финансы и статистика, 1990. С. 14.

¹⁵ Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика, 1991. С. 8, 321.

¹⁶ Средняя годовая цена сырой нефти различных марок снизилась с 27,3 долларов за баррель в 1985 году до 14,7 долларов в 1988 году (затем цена на нефть вновь повышалась до 1990 года, когда она достигла 23 долларов за баррель). См.: International Financial Statistics. 1996. Yearbook. Washington DC: IMF, 1996. P. 165.

3,9 % в год, в 1986–1990 годы рос со среднегодовым темпом всего 0,9 %. Однако сведение проблем советской экономики исключительно к внешним шокам означает их явное упрощение. Имел место кризис всей экономической системы, который проявлялся в различных ее сферах.

В экономике продолжали сохраняться структурные диспропорции, в том числе доминирование военно-промышленного комплекса. Хотя в 1988 году было объявлено о проведении конверсии, активное сопротивление со стороны ВПК не позволило развернуть это направление¹⁷. По-прежнему сектор, связанный с производством потребительских благ, не мог удовлетворить внутренний спрос, что приводило к вынужденному отказу от потребления, особенно товаров длительного пользования.

В бюджетной сфере на протяжении второй половины 1980-х годов постепенно ухудшалось положение с союзным и республиканскими бюджетами. По оценкам, к этому времени дефицит союзного бюджета достиг уровня 8–9 % ВВП.

Проблемы с государственными финансами привели к новой форме расширения внешнеэкономической активности – росту государственной внешней задолженности. СССР как государство рассматривалось в качестве надежного заемщика (равно как и предприятия, обеспечившие свои займы государственными гарантиями), что способствовало росту займов, в том числе от частных финансовых структур. Вместе с тем все больше нарастали проблемы с обслуживанием внешней задолженности. Платежи по внешнему долгу за 1986–1991 годы выросли в 2,5 раза, а сама сумма долга увеличилась с 31,4 млрд долларов в 1985 году до 67,9 млрд долларов в 1991 году¹⁸.

¹⁷ Яременко Ю.В. Экономические беседы / Центр исследований и статистики науки. М., 1998. С. 55.

¹⁸ Хейфец Б.А. Решение долговых проблем. Мировой опыт и российская действительность. М.: ИКЦ «Академкнига», 2002. С. 87, 92.

В денежно-кредитной сфере все большее развитие получал феномен «вынужденных сбережений», что приводило к нарастанию объема средств на счетах населения, или так называемого денежного навеса.

В период перестройки коренных изменений в экономической системе не произошло, тем не менее все больше росло осознание того, что необходимо проводить более глубокие преобразования всех сфер хозяйственного механизма, что, например, в вопросе об отношениях собственности привело к признанию необходимости приватизации части государственных активов. Однако следует отметить, что адекватного понимания того, как экономика будет реагировать на новые условия ее функционирования, на тот момент не было. На протяжении практически всего периода перестройки продолжали господствовать прежние схемы политэкономии социализма, не дававшие ответа на вопрос о проблемах проводившихся преобразований и путях их дальнейшего развития.

Возникает вопрос относительно того, были ли на тот момент альтернативы проводившемуся курсу реформирования экономики. Одним из авторов данного исследования была предложена модель «маркетизации государственного сектора»¹⁹. Она предполагала сохранение за государственными предприятиями прежней формы собственности (путем передачи их акций в специальный Фонд государственного имущества) при либерализации их деятельности и параллельном свободном формировании частного сектора. Целью Фонда государственного имущества была бы лишь максимизация стоимости государственных активов, что способствовало бы повышению эффективности его работы, а для экономики в целом позволило бы снизить высокие социальные издержки первоначального накопления капитала.

¹⁹ См., например: *Некителов А.Д.* Очерки экономики посткоммунизма / ЦИСН Миннауки России. М., 1996. С. 136–138.

В 1991 году кризисные явления в советской экономике достигли уже значительного размаха. К осени этого года был практически утерян контроль за оптовыми ценами, тогда как контроль за розничными ценами еще сохранялся. Госбанк СССР был ограничен в возможностях регулирования денежного обращения, поскольку республиканские центральные банки в одностороннем порядке начали кредитную эмиссию для покрытия дефицитов бюджетов своих республик. Критической стала ситуация с государственным бюджетом, особенно в условиях конфликтов в этой сфере между союзным и республиканским руководством. Начали проявляться первые примеры «экономических войн» между республиками, каждая из которых стремилась на своей территории сгладить последствия наступающего кризиса²⁰. В конце 1991 года произошел распад СССР, и каждая республика начала реализовывать собственную модель экономической трансформации. В дальнейшем мы сосредоточим свое внимание на трансформации экономики России.

Второй этап экономического развития России в рассматриваемый период — **радикальная экономическая трансформация** (1992—1998 годы). Началом этого этапа традиционно считается 1 января 1992 года — один из переломных моментов в экономической истории России рассматриваемого периода. Как известно, с этого момента была освобождена большая часть цен в экономике страны. Либерализация экономической деятельности не ограничивалась либерализацией цен, она была также распространена на такие сферы, как производственная деятельность (окончательная отмена плановых заданий), доходы населения (снятие ограничений по заработной плате), внешнеэкономическая деятельность (отмена ряда валютных ограничений), а затем — на смену отношений собственности (так называемая массовая приватизация) и др.

²⁰ Некипелов А.Д. Очерки экономики посткоммунизма / ЦИСН Миннауки России. М., 1996. С. 272—273.

Итогом резкой либерализации цен и недостаточно последовательной макроэкономической политики на начальном этапе радикальной трансформации стали очень высокие темпы инфляции в 1992–1993 годах. Среднегодовые темпы прироста потребительских цен в 1992 году достигли 1353 %, а в 1993 году – 896 %. Для сравнения, в Польше «шоковый» с точки зрения либерализации цен 1990 год дал прирост потребительских цен на 586 %, тогда как уже в следующем году темп инфляции упал до 70 %, в Болгарии в 1991 и 1992 годах значения этого показателя составили соответственно 334 и 82 %. В бывшей Чехословакии в год отпуска цен (1991) они выросли на 59 %²¹.

Одновременно произошло резкое сокращение экономической активности. Реальный ВВП упал в 1992–1994 годах на 31 %. В странах Центральной и Восточной Европы также наблюдалось значительное сокращение выпуска продукции в первые годы трансформации, но оно, как правило, было меньшим по размерам, а выход на траекторию устойчивого экономического роста в них начался раньше, чем в России (в среднем к середине 1990-х годов, тогда как в России – лишь после кризиса 1998 года).

Значительным внешним шоком для российской экономики стал распад прежде единого народнохозяйственного комплекса бывшего СССР, в результате которого новые независимые государства стали формировать собственные национальные экономики, далеко не всегда ориентируясь на сохранение прежних хозяйственных связей. Итогом этого процесса стало значительное сокращение взаимного товарооборота.

В качестве теоретического объяснения сочетания значительного спада производства и высокой инфляции, наблюдавшегося на начальном этапе перехода, нам представляется наиболее логичным описание происходившего с позиций шока со стороны совокупного предложения. В пользу

²¹ World Economic Outlook. October 1998. Washington DC: IMF, 1998. P. 189.

этого говорит, во-первых, разнонаправленная динамика выпуска и общего уровня цен; во-вторых, существуют подтверждения этой гипотезы: значительное изменение относительных цен, наличие эффекта гистерезиса (связанного с утратой профессиональных характеристик частью рабочей силы) и др. Масштабы этого шока во многом зависели от унаследованной структуры экономики. При больших структурных диспропорциях, чем в странах Центральной и Восточной Европы, в экономике России и масштаб трансформационного шока должен был быть более значительным. Однако это не означало, что его невозможно было смягчить мерами экономической политики.

Из приведенного объяснения вытекает важный вывод, что традиционные рецепты, связанные либо со стимулированием совокупного спроса для увеличения выпуска, либо с его сжатием для борьбы с инфляцией, оказываются в условиях трансформации недостаточными или даже усугубляющими ситуацию. Власти на практике поочередно применяли инструменты, направленные то на стимулирование выпуска, то на подавление инфляции, что препятствовало решению обеих проблем и скорее напоминало действия «пожарной команды». Одним из способов преодоления шока со стороны совокупного предложения могло бы стать проведение продуманной промышленной политики, направленной на сглаживание последствий значительных структурных сдвигов, произошедших в экономике. Однако в России эта возможность не была реализована.

Традиционно считается, что в период 1992–1998 годов, особенно на раннем его этапе, проводилась жесткая экономическая политика монетаристского толка. Однако это утверждение не совсем соответствует истине.

Во-первых, вряд ли возможно говорить о наличии какой-либо продуманной программы действий у реформаторов в самом начале проведения радикальных преобразований. Скорее они в пожарном порядке реагировали на

критическую ситуацию, сложившуюся в российской экономике к концу 1991 года.

Во-вторых, не были обеспечены те или иные «якоря», которые обычно применялись для проведения жесткой экономической (и прежде всего денежно-кредитной политики) в странах Центральной и Восточной Европы (теоретически предпочтительнее использовать якорь в виде денежной массы, однако на практике обычно применялись якоря в виде валютного курса или заработной платы).

Это было связано с тем, что Россия фактически не могла осуществлять полностью независимую денежно-кредитную политику, поскольку в рамках сохранившейся рублевой зоны у центральных банков других бывших республик СССР оставалась возможность безналичной эмиссии денег. Только в середине 1992 года прекратились свободные банковские переводы между предприятиями России и других стран – членов рублевой зоны, а окончательно независимость денежно-кредитной сферы России оформилась с июля 1993 года, когда были введены в обращение новые наличные российские рубли²².

В-третьих, государственный бюджет устойчиво сводился с дефицитом, который достигал значительных размеров по отношению к ВВП²³, а отказ от финансирования бюджетного дефицита посредством получения кредитов от Центрального банка произошел лишь с 1995 года, когда начал развиваться рынок внутреннего государственного долга.

Одним из наиболее заметных направлений реформ после первоначального шока 1992 года стало проведение при-

²² *Некипелов А.Д.* Концепция макроэкономической стабилизации под углом зрения российского опыта // Проблемы прогнозирования. 1994. № 4. С. 36–37.

²³ По оценкам Международного валютного фонда, дефицит государственного бюджета по отношению к ВВП составил в 1992 году 9,4 %, а в 1993 году – 6,7 %. См.: Российская Федерация // Экономические обзоры МВФ. 1994. № 16. С. 133.

ватизации, целью которой было объявлено создание «стратегического собственника». При этом формально приватизация проводилась в так называемой ваучерной форме (массовая приватизация), что, очевидно, было вызвано стремлением придать ей вид социально справедливой. На практике, как уже известно, контроль за предприятиями сосредоточился в руках узкой группы лиц. В результате основной группой, выступавшей в поддержку проводившихся реформ, стал слой новых собственников, возникших в результате приватизации. Что касается тех, кто проводил эти реформы, то мы не склонны видеть в их действиях какую-либо «теорию заговора», стремление проводить некоторую заранее намеченную линию действий в собственных интересах. Во-первых, как мы уже отмечали, закономерности функционирования трансформирующейся экономики были очень слабо ясны как перед проведением экономических преобразований, так и в начале их осуществления. Во-вторых, для идеологов радикальных реформ одной из основных задач было недопущение возвращения к предшествующей хозяйственной системе. Проблемы, возникавшие на пути перехода, рассматривались как издержки подобного «невозвратного» движения. В этом контексте можно рассматривать и выбор способа приватизации в России.

Разумеется, по итогам приватизации население осознало ее социальную несправедливость, что существенно подорвало в его глазах легитимность перехода прав собственности. Этому способствовало и значительно нараставшее в обществе социальное расслоение.

Вместе с тем не была достигнута и изначально ставившаяся цель повышения эффективности управления предприятиями, поскольку большинство новых собственников вместо модернизации производства, привлечения инвестиций реализовывали цели максимизации текущего потребления. Это стало одной из причин массового оттока капитала за рубеж (см. об этом ниже), а внутри национальной

экономики — распространения специфических институтов реакции на трансформационный шок в форме бартера и неплатежей (в том числе и по заработной плате). Сформировалась среда, в которой экономические агенты могли не исполнять свои обязательства, не опасаясь существенных санкций. Она получила поддержку и со стороны государства, которое также подавало пример неисполнения собственных обязательств. Государство, в частности, не оплачивало поставки топлива и электроэнергии «стратегическим потребителям». Кроме того, для решения бюджетных проблем до 1999 года оно постоянно вводило в действие новые зачетные схемы, фактически поощрявшие предприятия к распространению неплатежей. Таким образом, неплатежи предприятий в бюджет обостряли проблемы проведения бюджетно-налоговой политики, подрывая доходную базу государственных финансов.

В результате период радикальной экономической трансформации характеризовался колоссальным спадом производства. За 1992–1998 годы реальный ВВП России сократился на 39,5 %, промышленное производство — на 50 %, инвестиции в основной капитал — на 75 %. Эти кризисные явления протекали на фоне высокой инфляции, продолжавшейся вплоть до 1997 года и возобновившейся после августовского кризиса 1998 года.

В 1990-е годы на фоне сокращения производства товаров происходил рост производства услуг, в том числе услуг, связанных с оптовой и розничной торговлей. В промышленности среди отдельных отраслей в наименьшей степени от трансформационного кризиса пострадали добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (спад в отрасли в 1995 году по сравнению с 1991 годом составил 22,2 %), производство кокса и нефтепродуктов (спад — 37,8 %), металлургия (42,4 %), тогда как за пять лет, с 1991 по 1995 год, производство пищевых продуктов сократилось на 50 %, машин и оборудования — на 61,9 %, текстильное и швейное

производство — на 78 %²⁴. Одной из причин подобных изменений в структуре экономики стал отказ от проведения активной промышленной политики.

Если подводить промежуточные итоги экономической трансформации по состоянию на 1998 год, то можно было бы констатировать, что те проблемы, которые стояли перед советской экономикой, к этому моменту многократно усугубились. Замедление темпов экономического роста сменилось обвалом производства. После первоначального некоего увеличения доходов населения произошло их резкое сокращение в 1990-е годы, сопровождавшееся значительной поляризацией населения по уровню доходов. «Структурные перекосы», имевшие место в советской экономике, сохранились в виде усиления роли добывающей промышленности, тогда как машиностроение в результате трансформационного кризиса существенно пострадало. Выросла доля сферы услуг, но, судя по общей экономической динамике, нельзя однозначно говорить о том, что эта тенденция способствовала повышению эффективности экономики. В ответ на попытки формирования рыночной среды экономика стала реагировать такими на первый взгляд неожиданными явлениями, как неплатежи и бартер.

Кризис августа 1998 года — еще один переломный момент в экономической трансформации в России — стал логичным результатом политики, проводившейся в 1992–1998 годах. В экономической литературе традиционно сложилось представление об этом кризисе либо как о валютном, либо как о бюджетном. По нашему мнению, и та и другая составляющая выступали скорее как первоначальный импульс или внешнее проявление кризиса, тогда как причины его глубины и масштабов воздействия на экономику заключались в том, что он наложился на не преодоленный до конца

²⁴ Рассчитано на основе http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d02/14-03.htm

трансформационный кризис, когда, например, такое явление, как неплатежи, находилось на пике своего развития. Кризис 1998 года нанес разрушительный удар по только начинавшим формироваться новым институтам рыночной экономики — банкам и фондовому рынку, причем последний пострадал особенно серьезно, будучи практически парализован до начала 2000-х годов. Тем не менее преодоление последствий кризиса в сочетании с изменившимися внешними условиями привели к наступлению нового этапа в развитии российской экономики.

Третий этап (1999–2007 годы) *характеризовался устойчивым ростом экономики*. За эти годы реальный ВВП страны вырос на 69 %, инвестиции в основной капитал — на 152 %, розничный товарооборот — на 128 %.

Ключевые источники экономического роста на протяжении этого периода периодически менялись. Первым импульсом для роста экономики стало значительное снижение реального курса рубля под воздействием резкого падения его номинального курса. Реальный курс российского рубля в сентябре — декабре 1998 года снизился до уровня 50–60 % от показателя первой половины года. Однако уже в 1999 году рубль укрепился в реальном выражении по отношению к доллару на 1,7 %²⁵. Впоследствии процесс роста реального курса рубля скорее оказывал подавляющее воздействие на экспорт несырьевых отраслей. Следующим импульсом стал рост цен на нефть на мировом рынке с 2000 года. За период 1999–2007 годов мировые цены на нефть, выраженные в долларах США, выросли почти в четыре раза²⁶. Значительный приток в страну валютной выручки от экспорта энергоносителей создал стимул для развития внутрен-

²⁵ Годовой отчет 1999 / Центральный банк Российской Федерации. М., 2000. С. 51.

²⁶ Рассчитано на основе World Economic Outlook Database. International Monetary Fund. 2008. April (www.imf.org).

него спроса, сначала – потребительского, а после 2003 года – и инвестиционного.

В 2000-е годы развернулась дискуссия относительно основной направленности экономической политики. С одной стороны, финансовый блок правительства делал основной акцент на необходимости снижения темпа инфляции, поскольку этот процесс в России после 2000 года происходил достаточно медленно (среднегодовой темп инфляции уменьшился с 20,8 % в 2000 году до 9 % в 2007 году²⁷). С другой стороны, высказывалась точка зрения (в том числе многими экономистами Российской академии наук), что текущую благоприятную экономическую конъюнктуру необходимо использовать для структурной перестройки экономики и сделать акцент на проведении активной социальной и промышленной политики. Следует отметить, что вторая позиция постепенно пробивала себе дорогу во властных структурах.

Между тем на практике стало реализовываться специфическое сочетание мер бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики, направленное на решение одновременно нескольких задач. Денежно-кредитная политика в основном оказалась нацелена на предотвращение резкого укрепления курса рубля путем приобретения иностранной валюты на внутреннем валютном рынке и увеличения валютных резервов, что было оправдано с точки зрения поддержки несырьевого экспорта. В то же время удалось наладить каналы изъятия ренты от продажи топливно-энергетических ресурсов в государственный бюджет, что в условиях благоприятной внешней конъюнктуры позволило с 2000 года устойчиво сводить государственный бюджет с профицитом, размер которого по отношению к ВВП начиная с 2004 года достиг значительных величин. Учитывая, что валютные интервенции Центрального банка обладают

²⁷ World Economic Outlook. October 2008. Washington DC: IMF, 2008. P. 270.

определенным инфляционным эффектом, поскольку в ходе их реализации увеличивается денежная масса внутри страны, было решено использовать возможности бюджетно-налоговой политики для стерилизации избыточной денежной массы. Для этой цели фактически и был создан в 2004 году так называемый Стабилизационный фонд, который с 1 февраля 2008 года был разделен на Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Тем самым властям удавалось относительно успешно регулировать динамику валютного курса и цен, хотя полностью ни одна, ни другая проблемы (укрепления рубля и инфляции) решены не были.

В результате значительный объем средств был «омертвлен» в форме валютных резервов, объем которых на конец 2007 года достиг 474 млрд долларов. Между тем часть этих средств, напрямую не связанную с функцией поддержания стабильности валютного курса в случае изменения экономических тенденций, можно было бы использовать для содействия развитию национальной экономики (например, в форме выдачи кредитов в иностранной валюте). Таким образом, можно говорить о том, что проблема модернизации российской экономики, не решенная в период 2000–2007 годов (см. ниже), могла бы быть решена, в том числе с помощью привлечения средств, размещенных в форме избыточных валютных резервов.

Относительно новыми и, на наш взгляд, благоприятными изменениями в экономической политике стали меры, связанные с усилением акцента на социальную и структурную составляющие. Речь идет, в частности, о запуске так называемых национальных проектов в области образования, здравоохранения, жилищного строительства и решения социальных проблем в сельской местности, а также о стремлении развивать отдельные отрасли машиностроения, оказавшиеся в глубоком кризисе в процессе трансформации (например, авиастроение), создании Банка развития, формировании системы стратегического планирования.

Анализируя весь рассматриваемый период с 1985 года, можно сделать вывод, что итогом длительного трансформационного процесса стало построение в России рыночной экономики, которая более или менее адекватно реагирует на соответствующие сигналы. Однако на протяжении переходного процесса формировались специфические механизмы реакции экономической системы на воздействие со стороны экономической политики: бартер, неплатежи, массовый отток капитала. Серьезной проблемой является недостаточное доверие экономических агентов к политике, проводимой властями.

Были сформированы институты, свойственные рыночной экономике, которые отсутствовали в административно-хозяйственной системе, — двухуровневая банковская система, фондовый рынок. Если в 1990-е годы банковская система оставалась слабой, а фондовый рынок только начинал формироваться, то в 2000-е годы произошло существенное улучшение показателей их функционирования. Совокупные активы банковского сектора на начало 2008 года составляли 61 % ВВП (по сравнению с 33 % на 1 января 2000 года), а капитализация фондового рынка в период максимального значения индексов (2006—2007 годы) превышала 100 % ВВП.

Нам представляется, что переход к рыночной экономике принял окончательный характер, хотя по-прежнему возможна дискуссия относительно моделей этой экономики, которые необходимо развивать в России, например касающаяся размеров и форм государственного вмешательства в функционирование экономической системы.

Текущее состояние российской экономики

В ходе длительного периода экономического роста (1999—2007 годы) экономика России исходя из количественных показателей преодолела негативные последствия транс-

формации 1990-х годов. Реальный ВВП по итогам 2007 года составлял 104,7 % уровня 1990 года, принятого за 100 %. Однако не следует забывать, что экономики развитых стран продолжали в этот период устойчиво расти. Реальный ВВП развитых стран за период 1990–2007 годов вырос на 59 %. Другие трансформирующиеся экономики также демонстрировали более впечатляющие результаты, чем Россия. Реальный ВВП Польши за 1990–2007 годы вырос на 77,5 %, Венгрии – на 38 %, Чехии – на 37,5 %, не говоря уже о Китае, где этот показатель составил 450 %²⁸. Относительно благоприятно на фоне других показателей выглядит ситуация с показателями потребительского спроса и доходов населения. Так, реальные располагаемые доходы населения в 2007 году на 7 % превышали уровень 1991 года, а объем розничного товарооборота – на 124 %.

По другим показателям результаты трансформации выглядят более удручающими. Так, объем промышленного производства в реальном выражении в 2007 году составлял только 84 % уровня 1991 года, инвестиций в основной капитал – 68 %²⁹.

В силу опережающей динамики экономики других стран (как развитых, так и других переходных экономик, не говоря уже о ряде развивающихся стран) позиции России в мировой экономике оказались ослаблены. В 2007 году доля России в мировом ВВП составляла 3,2 %, а в мировом экспорте товаров и услуг – 2,3 %³⁰. Правда, по сравнению с периодом десятилетней давности был достигнут безуслов-

²⁸ Рассчитано на основе данных World Economic Outlook. October 2008. Washington DC: IMF, 2008. P. 259–265.

²⁹ Показатели рассчитаны на основе: 15 лет Содружества Независимых Государств (1991–2005): Стат. сб. / Межгос. стат. комитет Содружества Независимых Государств. М., 2006. С. 51 – и данных Министерства экономического развития Российской Федерации (www.economy.gov.ru) за 2006–2007 годы.

³⁰ World Economic Outlook. October 2008. Washington DC: IMF, 2008. P. 253.

ный прогресс — тогда соответствующие показатели были равны 1,9 и 1,5 %³¹. Если говорить о качественных показателях экономического развития, то, например, уровень ВВП на душу населения по паритету покупательной способности валют, согласно последним доступным данным Программы развития ООН, в 2005 году достиг 91 % уровня 1989 года. При этом за период 1990—2005 годов он сокращался со среднегодовым темпом 0,1 %. За тот же период ВВП на душу населения во Франции, Германии, Италии рос со среднегодовым темпом 1,3—1,6 %, в Испании, Финляндии, Австралии — 2,5 %, Ирландии — 6,2 %; среди других трансформирующихся экономик: в Болгарии — 1,5 %, Чехии — 1,9 %, Венгрии — 3,1 %, Польше — 4,3 %³². При рассмотрении места России среди остальных стран по показателю ВВП на душу населения в динамике (табл. 1) мы обнаружим, что его изменения отражают изменения в экономической динамике страны в целом — на протяжении 1990-х годов происходило падение ранга страны по этому показателю в мировой иерархии (с 52-го места в 1992 году до 77-го места в 1995 году) при последующем росте в 2000-е годы (в 2006 году Россия занимала по показателю ВВП на душу населения 55-е место в мире).

Если проанализировать качественные показатели развития российской экономики, то мы обнаружим существенное снижение позиций России по такому интегральному показателю, как индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)³³. Если в конце 1980-х годов СССР находился на 34—38-м месте в мире по значениям ИРЧП, то к середи-

³¹ World Economic Outlook. October 1998. Washington DC: IMF, 1998. P. 160.

³² Human Development Report 2007/2008. UNDP, 2007. P. 277.

³³ Индекс отражает такие важные составляющие человеческого развития, как уровень благосостояния (измеряемый ВВП на душу населения), здоровья (средняя ожидаемая продолжительность предстоящей жизни) и образования (уровень грамотности и охват обучением).

Таблица 1

**Качественные показатели экономического
и социального развития России**

	1987*	1990*	1992	1995	1998	2000	2002	2006
ИРЧП	0,920	0,873	0,858	0,769	0,771	0,781	0,795	0,806
Ранг	30	33	34	72	62	60	57	73
ВВП на душу населения	6000**	6270***	6140	4531	6460	8377	8230	13205
Ранг	34**	38***	52	77	59	58	60	55
ВВП, млрд долл.	331,8**	251,1	346,5	763,7****
Ранг	16	17	16	14****
ВВП по ППСВ, млрд долл.	1219,4	1185,6	1552****
Ранг	10	9	9****

Источники: Human Development Reports. UNDP. Different Issues.

Примечания:

ИРЧП – индекс развития человеческого потенциала.

Ранг по показателю определяется местом страны по данному показателю среди всей совокупности рассматриваемых стран.

ВВП на душу населения – ВВП на душу населения, измеренный в долларах по паритету покупательной способности валют.

ППСВ – паритет покупательной способности валют.

* Показатели для СССР.

** Вместо ВВП использовался показатель валового национального продукта (ВНП).

*** Данные за 1989 г.

**** Данные за 2005 г.

не 1990-х годов Россия опустилась на 77-е место³⁴, несколько выправила свое положение в начале 2000-х годов благодаря росту ВВП на душу населения, но в 2006 году вновь оказалась на достаточно низком, 73-м месте под влиянием главным образом одного показателя — средней ожидаемой продолжительности предстоящей жизни.

Результаты трансформации 1992—2007 годов различным образом сказались на отдельных отраслях экономики. Увеличили реальный объем выпуска за этот период добыча топливно-энергетических полезных ископаемых (на 17 % по сравнению с 1991 годом), целлюлозно-бумажная промышленность, издательская и полиграфическая деятельность (на 27 %). При этом производство машиностроительной продукции сократилось на 41 % (хотя производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования увеличилось на 51 %), текстильное и швейное производство — на 73 %³⁵. Таким образом, еще больше усилилось смещение в сторону добывающих отраслей промышленности и отраслей с низкой долей добавленной стоимости.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что к 2008 году были достигнуты существенные положительные результаты в экономической сфере.

- Улучшились количественные и отчасти качественные экономические показатели, по крайней мере по сравнению с периодом «провальных» 1990-х годов.
- Начали обозначаться элементы промышленной, социальной и региональной политики государства.

³⁴ Хотя сам факт падения качества жизни в России отрицать невозможно, прямое сопоставление приведенных рангов все же требует осторожности, поскольку, во-первых, постоянно происходила смена методологии расчета отдельных составляющих ИРЧП, во-вторых, с распадом СССР и бывшей Югославии увеличилось число стран, по которым рассчитывается ИРЧП.

³⁵ Данные Федеральной службы государственной статистики (http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d02/14-03.htm).

- Предпринимались усилия по формированию рыночных институтов и системы частно-государственного партнерства.

- Происходило более полное изъятие природной ренты в бюджет (через налогообложение компаний топливной промышленности)³⁶.

В то же время продолжилось действие ряда негативных тенденций.

- До сих пор нерешенной является проблема диверсификации экономики. Особенно ярко она проявляется в структуре российского экспорта, в которой основную роль продолжают играть топливно-сырьевые товары.

- На низком уровне сохраняется наукоемкая составляющая большинства отраслей экономики, сохраняется разрыв между фундаментальными и прикладными научными исследованиями и реальным сектором экономики.

- Одним из узких мест экономического развития остается состояние инфраструктуры, в том числе транспортной.

В 2007 году стали проявляться первые признаки распространения мирового финансового кризиса на российскую экономику, и уже в 2008 году кризисные явления затронули сначала финансовую систему России, а к концу года начали распространяться на реальный сектор.

На протяжении 2000–2007 годов увеличивалась степень вовлеченности России в мировые финансовые потоки. Отчасти это было объективным явлением, связанным с ростом доходов от экспорта и улучшением общей экономической ситуации в стране, отчасти этому способствовала либерализация валютного законодательства, в ходе которой с 1 июля 2006 года были сняты все ограничения на трансграничное движение капитала.

Двумя основными каналами распространения мирового экономического кризиса на российскую экономику стали

³⁶ К программе социально-экономического развития России. 2008–2016 / ИЭ РАН. М., 2008. С. 7.

отток капитала нерезидентов с российских финансовых рынков и падение цен на нефть. Оба они вызвали значительный негативный шок со стороны совокупного спроса.

Отток средств нерезидентов проявился в падении фондовых индексов на российских биржевых площадках (ММВБ и РТС), начавшемся еще в июне 2008 года. Вслед за этим с середины июля 2008 года началось стремительное падение цен на нефть на мировых рынках. Так, цена одного барреля нефти марки Brent снизилась со 140–150 долларов в июле 2008 года до 40–50 долларов в декабре 2008 года. Это снижение негативно отразилось на показателях российского экспорта. Начиная с августа 2008 года они стали сокращаться в долларовом выражении. Российский экспорт товаров в январе – марте 2009 года составлял лишь около 53 % от аналогичного показателя января – марта 2008 года³⁷.

К концу 2008 года негативные тенденции в финансовом и внешнем секторах российской экономики распространились и на реальный сектор. Падение промышленного производства (по отношению к аналогичному периоду предыдущего года) началось в ноябре 2008 года. За январь – апрель 2009 года промышленное производство упало на 15 % по отношению к январю – апрелю 2008 года. При этом опережающими темпами сокращалось производство в обрабатывающей промышленности, как до этого происходило в кризисные периоды в российской экономике, во время которых производство в добывающей промышленности выполняло роль некоторого буфера при распространении кризисных тенденций. Сокращалась база для развития внутреннего потребительского спроса. Реальные располагаемые доходы населения снижались в ноябре 2008 года – январе 2009 года по сравнению с аналогичным периодом

³⁷ О текущей ситуации в экономике Российской Федерации в январе – апреле 2009 года. Министерство экономического развития Российской Федерации, 2009 (<http://economy.gov.ru>).

прошлого года по месяцам на 6,1, 11,6 и 6,7 % соответственно. Однако затем они несколько восстановились и по итогам января – апреля 2009 года остались практически на уровне того же периода 2008 года³⁸. Тем самым сокращается база экономического роста, который до последнего времени был основан на внутреннем спросе. Как следствие, в первом квартале 2009 года реальный ВВП сократился на 9,5 % в годовом выражении.

Стали проявляться негативные тенденции, которые, казалось бы, ушли в прошлое с окончанием трансформационного кризиса, например проблема неплатежей. Так, за период с июля 2008 года по апрель 2009 года суммарная просроченная задолженность по заработной плате на конец месяца выросла более чем в три раза, достигнув максимума в марте 2009 года³⁹.

Реакция со стороны государства на кризисные тенденции была направлена в первую очередь на решение текущих проблем: поддержание ликвидности банковской системы, оживление фондового рынка, обеспечение плавного обесценивания национальной валюты (до начала 2009 года, когда оно приняло обвальный характер) и др.

Таким образом, во второй половине 2008 года начался очередной переломный момент в российской экономике, однако его сопоставление с другими переломными моментами (1985, 1992, 1998 годы) пока не дает оснований утверждать, что экономику ожидают потрясения схожей глубины.

Если предыдущие потрясения в основе своей имели внутренний характер и были связаны с трансформацией экономической системы, то нынешний кризис вызван главным образом внешними факторами. Разумеется, имели место и внутренние экономические проблемы, находившиеся до

³⁸ Данные Министерства экономического развития (www.economy.gov.ru).

³⁹ Там же.

этого отчасти в тени благоприятных экономических тенденций, но вскрывшиеся во время кризиса и усугубившие его воздействие на экономику. Назовем важнейшие из этих проблем.

1. Проблема зависимости российской экономики от динамики отдельных отраслей, продукция которых направляется на экспорт, — прежде всего нефтегазовой, а также металлургической промышленности. Падение мировых цен на продукцию этих отраслей привело к значительному сокращению российского экспорта. В то же время текущий кризис показал, что в условиях распространения кризисных явлений практически на все страны и все сектора мировой экономики диверсификации национальной экономики оказывается недостаточно для ограждения ее от негативного воздействия внешних шоков. Требуется также, чтобы существовал значительный внутренний рынок продукции обрабатывающих отраслей промышленности.

2. Проблема недостаточного уровня развития банковской системы и финансового рынка России. Несмотря на значительный рост количественных показателей их развития, они существенно отставали по этим показателям и особенно качественно от состояния этих сфер в развитых странах. Активы банковской системы России, как мы уже писали, выросли до 61 % ВВП на 1 января 2008 года⁴⁰, вместе с тем в среднем по странам зоны евро банковские активы по отношению к ВВП по итогам 2007 года составляли около 250 %⁴¹. Несмотря на то что капитализация российского фондового рынка перед кризисом превысила 100 % ВВП, оборот рынка акций на ММВБ по итогам 2007 года составил лишь около 46 % ВВП, и подавляющая доля оборота совершалась с несколькими наиболее ликвидными ак-

⁴⁰ Обзор банковского сектора Российской Федерации: Интернет-версия. 2008. Дек. № 74.

⁴¹ CEE Banking Sector Report. 2008. September. Raiffeisen Research, 2008. P. 9.

циями. Значительной проблемой развития фондового рынка было существенное присутствие на нем нерезидентов (обеспечивавших около 1/3 рынка на ММВБ непосредственно перед кризисом).

3. Проблема низкого уровня доверия экономических агентов друг к другу и к проводимой экономической политике. О наличии этой проблемы свидетельствуют значительный отток капитала во время кризиса и возникшее существенное давление на курс рубля на внутреннем валютном рынке, потребовавшее крупных интервенций со стороны Центрального банка.

4. Проблема использования инструментария экономической политики. В частности, проведенная в середине 2000-х годов валютная либерализация создала дополнительные риски для разворачивания кризиса, а политика накопления избыточных валютных резервов приводила к «омертвлению» средств и сокращению возможностей модернизации экономики. Сокращение валютных резервов в кризисный период наглядно демонстрирует альтернативные издержки подобной политики. Если мы возьмем максимальную докризисную цену нефти – около 140–150 долларов за баррель (или около 1088 долларов за тонну), то потраченные резервы окажутся эквивалентны потере как минимум 197 млн тонн вывезенной из страны нефти, что близко к показателю годового экспорта российской нефти. Этих издержек можно было бы по крайней мере частично избежать, используя инструментарий валютного регулирования.

Несмотря на наличие внутренних проблем, внешние факторы сыграли определяющую роль в разворачивании кризиса, в связи с чем особого внимания заслуживает анализ направления их воздействия и значимости для российской экономики на протяжении всего трансформационного периода.

Действие внешних факторов на экономическое развитие

Роль внешних факторов в экономическом развитии России возрастала по мере открытия ее национальной экономики остальному миру. Традиционно в числе основных факторов выделяется динамика цен на нефть на мировых рынках, поскольку она влияет на доходы от основных статей российского экспорта (нефти и газа). Приведенные выше данные свидетельствуют о том, что эта закономерность действовала на протяжении всего рассматриваемого периода. Падение мировых цен на нефть в середине 1980-х, начале 1990-х, 1997–1998 годах и 2008 году действительно совпало с проблемами развития сначала советской, а затем российской экономики. Однако в период до 2000-х годов не следует абсолютизировать роль внешнего воздействия, поскольку развитие экономической сферы главным образом определялось внутренними факторами, связанными с накопленными проблемами плановой экономики и последующей экономической трансформацией (в том числе и конкретной моделью ее осуществления).

По мере развития трансформационных процессов усиливалось и влияние на российскую экономику со стороны трансграничного движения капитала. Так, если в странах Центральной и Восточной Европы приток прямых иностранных инвестиций стал существенным фактором экономического роста и структурной перестройки их экономик, то России не удалось добиться масштабного привлечения прямых иностранных инвестиций, за исключением последних нескольких лет.

С точки зрения участия в мировом движении капитала в 1990-е годы определяющей тенденцией в России было развитие процессов бегства капитала из страны. Его точные количественные оценки затруднительны в силу несовершенства статистического учета этого явления и стремления

экономических агентов к использованию различных «схем» вывода средств из России. По сделанным нами оценкам, основанным на данных платежного баланса, за 1993–1999 годы бегство капитала составило 90–115 млрд долларов.⁴² Это значение можно принять в качестве нижней границы в силу несовершенства используемой статистики. В 2000-е годы масштабы бегства капитала увеличились, но относительно возросших объемов экспорта значимость этого явления снизилась. Проблема вывода капитала из экономики вновь стала очень острой в связи с развитием финансового кризиса 2008 года. Вслед за оттоком средств нерезидентов последовало бегство российского капитала из страны. За последний квартал 2008 года чистый вывоз капитала из страны частным сектором достиг рекордной отметки в 130,6 млрд долларов, в первом квартале 2009 года эта тенденция продолжилась в несколько меньших масштабах — чистый вывоз капитала составил 38,8 млрд долларов.⁴³ С точки зрения развития национальной экономики бегство капитала отражает упущенные возможности для инвестирования средств внутри страны и ее модернизации. В то же время существует сугубо «монетарный» подход к этому явлению, который сосредотачивается на том факте, что вывоз капитала в 2000-х годах позволял снижать давление в сторону роста денежной массы внутри страны, возникающее из-за растущих объемов экспортной выручки. Однако этот подход не учитывает значительной потребности российской экономики в инвестициях, проявляющейся в том числе в низкой норме накопления в стране.

⁴² Расчеты осуществлялись на основе статей платежного баланса «Торговые кредиты и авансы предоставленные», «Своевременно не полученная экспортная выручка и не поступившие товары и услуги в счет переводов денежных средств по импортным контрактам» и «Чистые ошибки и пропуски».

⁴³ http://www.cbr.ru/statistics/credit_statistics/print.asp?file=capital.htm

Еще одним негативным явлением, связанным с влиянием внешних факторов, стала долларизация российской экономики, имевшая особенно значительные масштабы в 1990-е годы. Долларизация принимала в основном две формы: хранения вкладов в иностранной валюте в российской банковской системе и приобретения экономическими агентами наличной иностранной валюты (главным образом долларов США). По нашим оценкам, степень долларизации (измеренная как отношение депозитов в иностранной валюте к денежной массе в широком смысле) достигала своего максимума в первой половине 1990-х годов и после кризиса 1998 года до начала 2001 года, когда она стала устойчиво снижаться⁴⁴. С точки зрения регулирования национальной экономики долларизация сокращает возможности денежно-кредитной политики, поскольку у Центрального банка практически отсутствуют рычаги влияния на ту часть денежной массы, которая представлена иностранной валютой (особенно в наличной форме). Кроме того, Центральный банк вынужден большее внимание уделять регулированию валютного курса в условиях, когда значительная доля пассивов экономических агентов номинирована в иностранной валюте. Эту озабоченность ярко продемонстрировала политика по сдерживанию обесценения рубля во второй половине 2008 года.

Следует отметить, что в 2000–2008 годах произошло качественное изменение модели участия России в мировых финансовых потоках. Если до этого (в 1990-е годы) государство постепенно наращивало свой внешний долг для решения проблем в бюджетно-налоговой сфере, а компании и банки выводили капитал за границу, то в 2000-е годы ситуация поменялась на противоположную. Улучшение си-

⁴⁴ Головин М. Ю. Долларизация в переходных экономиках России и стран Центральной и Восточной Европы // Проблемы прогнозирования. 2004. № 3. С. 126.

туации в области государственных финансов и увеличение валютных резервов за счет притока в страну экспортной выручки при одновременном погашении накопленного внешнего государственного долга привели к росту кредитования остального мира российским государством и денежными властями, тогда как корпорации и банки начали активно заимствовать за рубежом в условиях низких процентных ставок на мировом рынке, снижающейся премии за риск для России и растущего валютного курса рубля. Как следствие, внешний долг органов государственного управления и денежно-кредитного регулирования сократился со 149 млрд долларов на 1 января 2000 года до 39 млрд долларов на 1 июля 2008 года, а внешняя задолженность банков и нефинансовых предприятий за тот же период увеличилась с 29,2 до 488,3 млрд долларов.⁴⁵ В результате валютные риски были перераспределены от государственных к корпоративным заемщикам, однако лишь отчасти, поскольку многие из последних находятся в государственной собственности.

Таким образом, к настоящему времени экономика России оказывается под воздействием целого ряда внешних факторов, среди которых основным по-прежнему остается динамика мировых цен на энергоносители, но к нему добавляется динамика ставок процента по основным мировым валютам, фондовых рынков в развитых и развивающихся странах, состояние мировой экономики, соотношение курсов ключевых валют (главным образом доллара и евро).

Это ярко продемонстрировал современный экономический кризис. Первым импульсом для его распространения на российскую экономику стал вывод средств иностранных инвесторов в условиях ухудшения их финансового положения на свои национальные рынки. Впоследствии углубление негативных тенденций произошло под влиянием со-

⁴⁵ По данным Центрального банка Российской Федерации (<http://www.cbr.ru/statistics/>).

кращения совокупного спроса в российской экономике, вызванного снижением доходов экспортоориентированных сырьевых производств (в 2000-е годы их экспортные доходы позволяли в значительной мере стимулировать совокупный спрос внутри страны).

В связи с этим вновь возникает вопрос о целесообразности проведенной в стране полномасштабной валютной либерализации. Практика показывает, что в условиях распространения кризисных тенденций более открытые для финансовых потоков, особенно краткосрочных, экономики с менее развитыми финансовыми рынками страдают в большей степени.

Долгосрочный прогноз основных тенденций и практические рекомендации

Оценка перспектив развития российской экономики в настоящее время зависит от того, насколько глубоким и длительным будет текущий кризис. В лучшем варианте оживление в российской экономике наступит к концу 2009 года в связи с возобновившимся в начале 2009 года ростом цен на нефть на мировых рынках.

Вероятность реализации каждого из вариантов будущего экономического развития зависит от того, какая экономическая политика будет проводиться в стране. Властями уже были предприняты меры по поддержанию ликвидности банковской системы и поддержке отдельных секторов экономики. Однако процесс перемещения средств в реальный сектор через финансовую систему испытывает серьезные сложности. Во многом это связано с негативными ожиданиями относительно динамики совокупного спроса. Банки не кредитуют предприятия, поскольку не видят перспектив роста спроса на их продукцию. Кроме того, они закладывают в процентные ставки по кредитам ожидания, связанные с более высоким уровнем риска. В этих условиях правительству необходимо сделать основной акцент

на стимулировании совокупного спроса. Для этого следует развернуть финансирование крупных программ, ориентированных как на развитие инфраструктуры, так и на техническую модернизацию производства и его реструктуризацию. Необходимо направить финансовые ресурсы в научно-производственный комплекс на стимулирование разработки, производства, экспорта и применения внутри страны высокотехнологичной продукции. По-прежнему актуальной, на наш взгляд, остается проблема использования части валютных резервов для импорта современных технологий и оборудования с тем, чтобы выполнить программы модернизации российской экономики. В современных условиях важно сохранить и традиционные отрасли российского экспорта, в том числе топливно-энергетические. Для повышения эффективности их работы важно снизить долю средств, изымаемых у них в федеральный бюджет, поскольку по сути при сложившихся во время кризиса ценах на нефть изымается уже не рента, а чистая прибыль, которая могла бы быть направлена в развитие добычи полезных ископаемых, уже сталкивающаяся с серьезными ограничениями на перспективу. В совокупности эти меры будут содействовать развитию российской экономики и в долгосрочном периоде, после окончания текущего кризиса.

Поддержка конечного спроса потребует перехода к дефицитному бюджету⁴⁶, что обусловит необходимость использования имеющихся накопленных резервов, а также привлечения внутренних заимствований. При этом можно использовать французский опыт, в соответствии с которым коммерческие банки должны были держать часть своих активов в государственных ценных бумагах, но имели при этом право на получение под их залог кредитов в центральном банке.

⁴⁶ В феврале 2009 года уже был зафиксирован дефицит федерального бюджета в размере 8,8 % ВВП.

Что касается долгосрочной перспективы, то прогнозы, делавшиеся до недавнего времени, в том числе внутри самой России, основывались главным образом на продолжении в будущем докризисных тенденций в развитии российской экономики. В частности, многие из них исходили из сохранения высоких цен на нефть в мировой экономике⁴⁷. Разумеется, вполне обоснованно можно предположить возобновление роста цен на нефть, однако предшествующий опыт российской трансформации показывает, что это не очень надежный источник экономического роста в долгосрочной перспективе. Кроме того, все в большей степени начинают проявляться ресурсные ограничения в топливно-энергетической сфере, связанные с постепенным исчерпанием действующих месторождений и необходимостью увеличения инвестиций для разработки новых. В этой связи следует упомянуть о докладе «Глобальные тенденции в 2025 году: трансформирующийся мир», подготовленном Национальным советом по разведке (National Intelligence Council) США, в котором говорится о том, что экономические позиции России к 2025 году могут существенно ухудшиться, если цены на нефть будут находиться в пределах 50–70 долларов за баррель (заметим, что во время кризиса они уже опустились ниже этого диапазона). Но при этом в числе важных предпосылок возможного усиления позиций России в мировой экономике называются инвестиции в человеческий капитал и диверсификация национальной экономики⁴⁸.

На наш взгляд, перспективы развития российской экономики до 2025 года и на более отдаленную перспективу

⁴⁷ Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года (утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р) на период 2008–2020 годов предполагается среднегодовая цена на нефть в пределах 90–110 долларов за баррель (см. Приложение 1 к Концепции).

⁴⁸ Global Trends 2025: A Transformed World. National Intelligence Council, November 2008. P. 7.

зависят от того, удастся ли провести качественные изменения в этом развитии. Речь идет прежде всего о структурных изменениях в экономике, которые позволили бы отойти от существующей по сути однофакторной модели экономического роста, развивать научно-технический потенциал и его внедрение в производство, совершенствовать человеческий капитал. Заметим, что это в основном тот же круг проблем, который стоял перед советской экономикой до перестройки.

Непосредственно перед распространением мирового кризиса на Россию Министерством экономического развития была завершена разработка Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года⁴⁹. При этом основной акцент делается на повышении качества человеческого капитала, повышении конкурентоспособности российской экономики, структурной диверсификации экономики на основе инновационного технологического развития и ряде других направлений. Нельзя не поддержать постановку подобных целей. Возможность реализации поставленных задач будет зависеть от влияния текущего экономического кризиса на развитие всей мировой экономики, включая его возможные последствия с точки зрения структурных сдвигов и динамики мировой финансовой системы. Весьма вероятно, что в ближайшей перспективе столь благоприятной внешней конъюнктуры, как та, с которой Россия столкнулась в 2000–2007 годах, не будет (табл. 2). Более того, скорее всего, усилится международная конкуренция на тех «прорывных» инновационных направлениях, которые избирает для себя Россия.

В этой связи крайне важную роль играет ориентированная на долгосрочное развитие экономическая политика го-

⁴⁹ <http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/myconnect/economylib/mert/welcome/pressservice/eventschronicle/doc1217949648141>

Таблица 2

Основные макроэкономические показатели России в 1991–2008 гг.

	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Темпы прироста реального ВВП, %	-5,0	-14,5	-8,7	-12,7	-4,1	-3,4	0,9	-4,9	5,4	9,0	5,0	4,3	7,3	7,2	6,4	7,4	8,1	5,6
Темпы прироста промышленного производства, %	-8,0	-18,0	-14,1	-20,9	-3,3	-4,5	2,0	-5,2	11,0	11,9	4,9	3,7	8,9	8,0	5,1	6,3	6,3	2,0
Темпы прироста инвестиций в основной капитал, %	...	-40	-12	-24	-10	-18	-5	-12	5	17,4	10,0	2,8	12,5	13,7	10,9	16,7	21,1	9,0
Среднегодовые темпы прироста потребительских цен, %	160	1530	874	308	197,5	47,8	14,8	27,7	85,7	20,8	21,5	15,8	13,7	10,9	12,5	9,7	9,0	14,1

Источники: Федеральная служба государственной статистики; Межгосударственный статистический комитет СНГ; The Vienna Institute for International Economic Studies (WIIW) Research Reports; World Economic Outlook. October 2008. Washington DC: IMF, 2008.

сударства. Необходимо сохранить наметившуюся тенденцию на поддержку повышения научно-технического уровня производства, построение инновационной экономики и не принести их в жертву абстрактной цели борьбы с инфляцией или перенесения их «на второй план» при распределении сокращающегося объема бюджетных средств. Если, несмотря на временные кризисные тенденции, удастся сохранить линию на проведение активной промышленной и социальной политики, создание институциональных условий для новой модели (развитие конкуренции, настройка экономической политики на цели построения инновационной экономики), то шансы на реализацию оптимистичного сценария возрастают. Тогда у России появляется возможность долгосрочного развития с темпами, превышающими текущий тренд развития мировой экономики (в последнем десятилетии – экономический рост с темпом около 3–4 % в год), и усиления ее общих позиций в мировой экономике. Но это уже будет рост на иной базе, нежели высокие цены на энергоносители, и в меньшей степени подверженный колебаниям, в том числе под влиянием внешних факторов. Россия сможет стать центром притяжения соседних стран не только в качестве поставщика энергоносителей, но и как один из мировых научно-производственных центров.